Элитология культуры | Doi: https://doi.org/10.46539/elit.v2i1.47

THE CARNIVAL POLITICAL CULTURE: THE PICNIC ON THE SIDELINES OF ANCIENT HISTORY

Paul L. Karabushenko

Astrakhan State University. Astrakhan, Russia. E-mail: Pavel_karabushenko[at]mail.ru ORCID 0000-0003-2776-4089

Abstract

Carnival political culture has always stood on the sidelines of world history, giving way to traditional types of political cultures. But this roadside turned out to be so attractive and so interesting that sometimes it overshadowed everything else. Why? Because it was associated with the holiday, while the usual types of political culture reflected mainly political everyday life. If we add to this the ridiculous folk traditions, the practices of falsifying political history, the methods of ideological struggle that were used by the ruling elites and their leaders, we will get an approximate picture of carnival political culture

Ancient sources constantly recorded numerous examples of the manifestation of anomalous behavior of politicians endowed with supreme power, but lacking the ability to adequately manage their political systems. Political scandals, historical anecdotes, undercover intrigues, imposture and hysterical antics discredited the ruling elites, who displayed extremely low professional competencies. A feature of the ancient carnival political culture was its maximum proximity to mythology and the lack of experience in scientific and philosophical criticism and analysis of such deviations. Sometimes the story about the behavior of politicians develops into frank tales and ridiculous anecdotes, which, in the absence of other written sources, become the main evidence of a particular historical era. Such a spontaneous carnival is a consequence of the coincidence of circumstances and mainly refers to the so-called "Dark ages". The aim of the given work is to establish the cultural and historical codes of this political tradition.

Keywords

carnival political culture; political carnival; history of elites; celebration; political satire; laughter culture; political anecdote; falsification; reliability

This work is licensed under a <u>Creative Commons «Attribution» 4.0 International License</u>

КАРНАВАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ

Карабущенко Павел Леонидович (а)

(a) Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия E-mail: Pavel_karabushenko[at]mail.ru. ORCID 0000-0003-2776-4089

Аннотация

Карнавальная политическая культура всегда стояла на обочине всемирной истории, уступая место традиционным видам политических культур. Но эта обочина оказывалась настолько притягательной и настолько интересной, что порой затмевала всё остальное. Почему? Потому что она была связана с праздником, в то время как обычные виды политической культуры отражали преимущественно политические будни. Прибавить к этому смеховые народные традиции, практики фальсификации политической истории, приемы идеологической борьбы, которые использовали правящие элиты и их лидеры, и мы получим примерную картину карнавальной политической культуры.

Античные источники постоянно фиксировали многочисленные примеры проявления аномального поведения политиков, наделенных высшей властью, но лишенных способности адекватно управлять своими политическими системами. Политические скандалы, исторические анекдоты, подковёрные интриги, самозванство и истерические выходки дискредитировали правящие элиты, проявлявшие крайне низкие профессиональные компетенции. Особенностью античной карнавальной политической культуры являлась ее максимальная приближенность к мифологии и отсутствие опыта научно-философской критики и анализа подобного рода отклонений. Порой рассказ о поведении политиков перерастает в откровенные байки и нелепые анекдоты, которые при отсутствии иных письменных источников, становятся главными свидетельствами конкретной исторической эпохи. Такая стихийная карнавальность есть следствие стечения обстоятельств и в основном относится к т.н. «темным векам». Но всякий раз, когда эта традиция прорывается в политической культуре, происходит возвращение к этим «темным векам», и мир политики погружается в стихию карнавала. Установить каковы были культурно-исторические коды этой политической традиции и призвана настоящая работа.

Ключевые слова

карнавальная политическая культура; политический карнавал; история элит; праздник; политические сатиры;смеховая культура; политический анекдот; фальсификация; достоверность

Это произведение доступно по <u>лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0</u> Всемирная

ВВЕДЕНИЕ

Истоки карнавальной политической культуры восходят к античгреко-римским традициям сатурналий И вакхических ным празднеств, которые в свою очередь уходят своими корнями в архаическую эпоху народной первобытной доистории. Именно там, в темных доисторических мифологических временах и следует искать обрывки тех традиций, которые будут впоследствии воспроизводиться в карнавальной политической культуре, как проявления неистовых диких сил политической природы. Такая традиция снимала всякие сдерживающие моральные ограничения, позволяла выплеснуть наружу сгустки скопившейся отрицательной энергетики напряжения, установить новые (пусть и временные) связи и отношения.

Политический карнавал – это «королевство кривых зеркал»; это ситуация, когда политики ставятся в ложное положение; это гремучая смесь политической мифологии, фальсификации, исторических анекдотов, калейдоскоп масок и карикатур на политиков и их политику. Он формирует ложное сознание и искаженное представление о действительности, которое устраивает часть общества, особенно правящую элиту. В целом политический карнавал представляет собой карикатуру на политическую реальность; мир искаженных образов и смыслов. Он суетлив, он криклив, он истеричен и бесплоден. Политический карнавал-это завершающая стадия агонии конкретной политической элиты, продемонстрировавшей свою неспособность сформулировать адекватный ответ на вызов своего времени. Что собой представляли карнавальные политические традиции античности мы и рассмотрим на страницах настоящей работы.

МЕТОДОЛОГИЯ

Само понятие «карнавальная политическая культура» было взято нами в качестве зонтичного концепта, вбирающего в себя самый широкий спектр проблем, которые можно описывать посредством таких понятий, как миф, искаженная реальность, абсурд, смеховая традиция, символы, смыслы, фальсификация и т.д. Для раскрытия смысла карнавальной политической культуры необходимо привлечение данных культурологии, психологии, истории, философии. Это сложная междисциплинарная тема, требующая комплексного и системного подхода.

В изучении карнавальной политической культуры мы видим несколько слоев напластований различных, мифов, традиций, фальси-

Elite Studies of Culture | Doi: https://doi.org/10.46539/elit.v2i1.47

фикаций, элементарных ошибок и неточностей, которые и формируют калейдоскопичность этого типа политической культуры. Именно исследовать эти напластования и помогают нам диалектика, герменевтика, компаративистика и семиотика.

Судить о карнавальности политической культуры того времени мы можем в основном по внешним признакам. Куда сложнее проникнуть в мир мотивации политиков, действовавших в русле этих карнавальных традиций. Когда этнографы и антропологи изучают современные примитивные племена и на этом основании пытаются выстроить научное понимание первобытного общества доисторического времени, то это не вызывает особых возражений. Но когда сегодня мы изучаем основы карнавальной политической культуры и пытаемся перенести выявленные нами нормы на другие столетия, это может вызвать оправданное возражение. С другой стороны, говоря о карнавальной политической культуре как вневременном явлении, мы как раз и пытаемся подчеркнуть существование неких общих для этой культуры констант, «работающих» независимо от времени и места исторического действия. А это подразумевает и общность мотивации политиков, которая мало в чем изменилась в ходе их исторического развития как профессии.

В своем исследовании мы придерживаемся принципов, разработанных еще А.Ф. Лосевым при изучении им мифологических традиций древних греков и римлян, который предлагал рассматривать «каждый миф как определенный социально-исторический комплекс», как систему источников. «Но источники эти рассыпаны по всей полуторатысячелетней античной литературе, часто являются отрывочными и случайными и почти всегда друг другу противоречат» (Лосев, 1996, с.888). Необходимо учитывать культурный временной слой каждого источника, а также отделять ранние и более поздние напластования. Для цельного понимания описываемой реальности важно учитывать его диалектичность как художественного, философского, моралистического и политического произведения (Лосев, 1996, с.889).

Как уже было сказано выше, карнавальная политическая культура -это *царство кривых зеркал*. И каждое искривление порождает свои волны искажений действительности. На этот феномен обратили внимание еще древние авторы. Так, Лукиан из Самосаты отмечал, что «прежде всего ум историка должен походить на зеркало, правдивое, блестящее и с точным центром; какими им воспринимаются образы вещей, такими они должны и отражаться, ничего не показывая искривленным или неправильно окрашенным, или в измененном виде» (Лукиан. Как следует писать историю, 51) (Лукиан Самосатский, 2001б).

Настоящим исследованием мы лишь продолжаем то, что было начато еще во времена Платона и Лукиана, и пытаемся дать объективную оценку феномену карнавальной политической культуры в уже современной нам терминологии.

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО КАРНАВАЛА

Как антисистема политический карнавал представляет собой эклектический набор различных элементов, от скабрезных анекдотов и карикатуры на политику и политиков до народных традиций смеховой культуры. Политический карнавал разрывается «на части от множества [ненужных, пустых] дел» (Лукиан. Диалоги богов, 24) (Лукиан Самосатский, 2001а, с. 120). Это суета сует. Но главная его особенность, унаследованная от классического карнавала, состоит в том, что он все переворачивает и меняет местами смыслы, ценности и самих людей (Бахтин, 1990, с. 11-14). Даже гиперболизированное изображение подвигов героев в архаической мифологии выглядит с точки зрения норм классического греческого полиса как нечто карнавальное. Мифологический герой (сверхчеловек) переворачивает вокруг себя всю действительность, сотрясая своими подвигами существующие устои, меняет позиции народов, царей и даже богов.

Героическая мифология практически является летописью архаической карнавальной политической культуры. Она несет на себе черты дикости и того этапа развития варварства, когда начинают складываться первые цивилизационные коды политического поведения. Безумство и неистовство были характерной чертой героической мифологии. С подобными сюжетами мы сталкиваемся здесь постоянно, поскольку безумие главного героя было признаком его избранности, его божественного происхождения, его сакральных связей. Безумие было платой за харизму и за то, что герой находился по ту сторону добра и зла.

Первые следы карнавальной политической культуры мы встречаем в произведениях Гомера и Гесиода, в которых они начинают фривольно рассказывать о частной жизни олимпийских богов, явно приписывая им черты поведения политических элит своего архаического времени. Небесная иерархия стала отражением иерархии земных отношений. И те бытовые подробности, которые эти мифы содержат, описывают политическую повседневность архаического общества.

¹ Гераклит и Платон осуждали Гомера за его «длинный язык». Гераклит вообще утверждал, что «Гомер, стоит того, чтобы его выгнали с состязаний и высекли» (Диоген Лаэртий, IX, 1) (Диоген Лаэртский, 1995, с.364). Но Гомер, по его мнению, обманывал потому, что сам как ребенок обманулся (Фрагменты ранних греческих философов, 1989, с.197).

Elite Studies of Culture | Doi: https://doi.org/10.46539/elit.v2i1.47

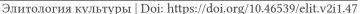
Сама по себе мифология создает праздничное настроение и ощущения присутствия сверхъестественного в естественном мире людей. Оно где-то рядом с нами, оно в нас самих и встреча с мифом может произойти в любой момент. Именно подобное ожидание встречи со сверхъестественным мы и обнаруживаем в историях, рассказанных Гомером и Гесиодом.

Политическая история мифологического Олимпа полна скабрезных похождений, диких оргий, сексуальных преступлений, интриг, именуемых борьбой за власть. В целом, это крайне эротическая история - мир весьма свободных сексуальных отношений. С точки зрения современной этики, мораль того времени оказывалась служанкой разврата. Жизнь и подвиги Геракла вообще представляют собой один сплошной праздник великих побед – громких убийств, изнасилований, строительства государств, свержения одних и установления власти других царей и т.д., и т.п. (Грейвс, 1992, с.344 и далее). Именно против такого вульгарного понимания истории богов и героев и протестовал Платон, когда советовал властям своего идеального государства изгнать из него подобного рода сочинителей. Причем Платон был в этом не одинок – многие критически настроенные авторы указывали на то, что подобные пошлости «упоминать людям благочестивым» не престало (Лебедев, 1989, с.42).

Мифологическая история Олимпа и есть первое описание карнавальной политической культуры архаического времени. Поэтому мы вправе предположить, что мифологическая карнавальная политическая культура была первой во времени системой кодирования поведения представителей власти, из недр которой впоследствии вышли и остальные матрицы политической культуры: патриархальная (заложившая основы монархической культуры), теократическая (традиции клерикальной диктатуры) и электоральная (республиканские традиции).

Всякий раз, когда политическая культура возвращалась к своей карнавальной форме, мы наблюдаем упрощение (архаизацию) системы политических отношений. Упрощается даже и сам исторический рассказ о политике – он переходит на язык «желтой уличной прессы», язык вульгарных анекдотов, пошлых карикатур и откровенных пошлостей. Происходит все тоже самое, что и во времена Гомера и Гесиода – историческая правда подменяется скабрезными историями. Мы вновь возвращаемся в состояния архаического детства.

У политического карнавала короткая память. Политический карнавал вообще не ведает исторической памяти в силу отсутствия элементарного образования, потому что опирается на мифологическое

мышление. В силу этого он всегда идет против исторической памяти. Именно это максимально и сближает его с мифологическим мышлением, для которого не существует четкого деления времени на прошлое, настоящее и будущее. Ныне архаические представления о политике воспринимаются нами как «детский лепет», как сказка, содержащая попытку объяснения происходящего посредствам мифологических образов. Поэтому карнавальная политическая культура означает частичный возврат в архаику, погружение в мир грез, мифологических фантазий и экзальтированных истерий.

Политический карнавал -это, прежде всего, клиповое мышление, которое убивает критическое восприятие реальности, парализует критическое мышление, которое отвечает за адекватность связи с реальностью. Разрушение этих связей и ведет к карнавальной политической культуре.

ПРИРОДА АНТИЧНОГО ПРАЗДНИКА

По мнению древних греков, праздник осуществляется не столько ради физического удовольствия, сколько для нравственного совершенствования человека (Мазаев, 1978, с.19). Само слово «праздник» в Античности выводилось от латинских «diesfestus», «fesia/feria», что означает «день, свободный от работы». С древних времен задача праздника состояла в том, чтобы «восстановить нарушенную гармонию между людьми и природой и устранить отчуждение людей от природы и общества» (Ирмшер, 1989, с.455). В этом восстановлении особую роль играли обряды, пение и танцы. Так появляются сатиры, как необузданная, крайняя точка этих перемен. Поэтому требование «хлеба и зрелищ» было требованием компенсации тех средств, которые бы простой люд мог заработать в этот день, если бы он был рабочим. И элита эту компенсацию ему предоставляла за свой счет, что повышало уровень ее авторитета в обществе. Платоновская Академия и аристотелевский Ликей родились именно из такого рода досуга.

По одной из версий, этимология слова «карнавал» относится прямо к латыни, от «char» - празднично украшенной повозки кораблеобразной формы, непременного признака любой процессии древности.

¹ Исследователи карнавальной культуры отмечают: «Примечательна одна из находок кельнских археологов: изображение (каменная плакетка) римского корабля дураков, которую искусствоведы трактуют как олицетворение вакханалии захмелевших эротов. Находка наглядно подтверждает значение шутовского корабля (задолго до литературного образа поэмы Себастьяна Бранта) как одной из наиболее древних общеевропейских карнавальных ритуалов. Пышно разукрашенная повозка в форме корабля проходит через все культуры античного мира и прочно закрепляется в карнавале, где она различным образом театрализуется, как это видно на примере кельнского фастнахта или нюрнбергского шембартлауфа» (Колязин, 2002, с.93). Некоторые усматривают в этом намек на древнеегипетский «корабль

Многочисленные древние ритуалы содержали в себе один общий элемент – смех человека языческой эпохи над сковывающими его земными узами, его кратковременный триумф над всеми бедами и невзгодами земного мира. Некоторые исследователи видят в этих ритуалах «тоску по счастливому состоянию человечества до возникновения государства с его формами угнетения, стремление вмешаться в круговорот природы и преодолеть смерть - и представляли вместе с тем философию пракарнавала» (Колязин, 2002, с.93).

М. Элиаде считал, что праздники - это воспроизведение в настоящем какого-либо священного события прошлого, ставшего к этому времени уже или мифом, или легендой, а участие людей в празднестве представляет собой некий «выход» за пределы обычной временной протяженности для восстановления мифического Времени (Элиаде, 1994, с.57-61). Выход за пределы повседневных буден означал обретение человеком некого нового статуса, перемены судьбы к лучшему. Поэтому все ждали праздника, поскольку он нес в себе надежду изменения к лучшему.

Ещё Д. Д. Фрезер указывал на то, что греческие вакханалии рождались из древнейших магических ритуалов, восходящих к жестоким ритуалам первобытных племен. Во время вакханалий были распространены свирепые игры и жертвоприношения. Так, например, жрец Диониса во время вакханалии с обнаженным мечом преследовал женщин и имел право зарубить любую, которую мог догнать. Женщины в своей жестокости тоже не уступали мужчинам - впадая в экстаз, они могли растерзать даже собственных детей (Фрэзер, 1987, с.277-278).

В «Законах» Платон утверждает, что «боги из сострадания к человеческому роду, рожденному для трудов, установили взамен передышки от этих трудов божественные празднества, даровали Муз, Аполлона, их предводителя, и Диониса как участников этих празднеств, чтобы можно было исправить недостатки воспитания на празднествах при помощи богов» (Законы, 653d) (Платон, 1994б). Платон трактовал праздник как вместилище высших ценностей человеческого существования, поддерживающих общественное равновесие через красочное богатство жизни. Именно с этой целью императоры в древнем Риме посредством праздника пытались поправить пошатнувшееся равновесие в обществе и вновь заручиться его поддержкой.

Раз в два года во многих греческих городах проводились праздники вакханок, которые «обычно включали в себя женские оргии, экстатического или квазиэкстатического типа» (Доддс, 2000, с. 387-388). Это

Осириса» – процессии в честь его супруги богини Изиды, отправившейся на корабле на поиски тела убитого мужа.

были дионисийские и другие родственные мистериальные культы, связанные со служением богу Дионису. В Дельфах в экстазе танцующие женщины забирались на самую вершину Парнаса. Вакханалии были фактически демонстрацией истерии на службе у религии. Они описываются посредством таких терминов, как: «экстаз», «свобода», «сакральность», «разгул» и др. Исследователи обращают внимание на двусмысленность всей этой традиции (Доддс, 2000, с. 392-393) и именно двусмысленностью и отличаются каноны карнавальной политической культуры.

И в наше время термином «вакханалия» обозначают любое разгульное пиршество (оргия), отражающее весь спектр состояний беспорядка, от мелкой локальной неорганизованности до широкомасштабного разгула своеволия, буйства и зачастую насилия в широких общественных масштабах. Как элемент карнавальной политической культуры подобного рода традиции

Римские власти научились при помощи праздников добиваться поддержки своего общества, которое постоянно требовало от них хлеба и зрелищ. Средств на это патриции не жалели. Самым дорогим памятником этой расточительности стал римский Колизей. С момента его открытия (80 г. н.э.) он был для жителей и гостей Рима центральным местом зрелищ (бои гладиаторов, звериные травли, морские сражения). «При освящении амфитеатра и спешно выстроенных поблизости бань он [Тит] показал гладиаторский бой, на диво богатый и пышный; устроил он и морское сражение на прежнем месте, а затем и там вывел гладиаторов и выпустил в один день пять тысяч разных диких животных» (Светоний, Тит. 7,3) (Светоний, 1988). Праздники могли продолжаться месяцами. Это было место, где не просто встречалась большая политика и большой праздник. Это было место, где политика становилась праздником, а праздник был политикой. И даже после завершения праздника, политики продолжали себя вести в соответствии с ее канонами. Политика для них превращалась в игру, а жизнь становилась пьесой.

Но куда больше заимствований в карнавальной политической культуремы наблюдаем из римских праздничных традиций, связанных с празднованием культа Сатурна – знаменитые «Saturnalia».

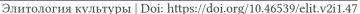
САТУРНАЛИИ И КАРНАВАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

В Древнем Риме в середине декабря устраивалась праздничная неделя в честь бога Сатурна (Macrob. I 7). Римский поэт Луций Акций (170 – 90 гг. до н.э.) сообщал, что «большая часть греков и в особенности Афины празднуют в честь Сатурна (Кроноса), и праздник этот называется Кронии. Празднуется он следующим образом: по селам и городам устраиваются веселые пиршества, господа прислуживают своим рабам, отсюда же и наш (т. е. римский) обычай, что господа пируют вместе с рабами» (цит. у Макробия, I, 7,57) (Макробий, 2009).² Древнегреческий писатель Лукиан из Самосаты (ок.120 – 180 гг. н.э.) снимал с Сатурна всякую ответственность за происходящее (Luc., Saturnalia, I, passim). По его мнению, «царство Сатурна — не от мира сего (даже вопросы теогонического характера хоть и интересны, но неуместны), а когда он царствовал над миром, тогда и мир был иным. Если же он сочувствует рабам, то это, вероятно, потому что он сам был некогда рабом, сам был закован в цепи. За все происходящее на свете ответственен Юпитер, наделяемый Лукианом столь человеческими чертами, что образ его вызывает ассоциации с земной, а отнюдь не с небесной властью» (Ельницкий, 1946, с.63). Издаваемые Сатурном законы, действовали только на время его праздника. Они соблюдались всеми, особенно богатыми, в наказание которых грозило проклятие лишения потомства (удел евнухов).

Вергилий в «Буколиках» (IV,6; VI,41) и в первой книге «Георгик» (I,125-159) описывает Сатурна как божество тождественное Кроносу – он небесный царь первобытного «райского» периода. В дальнейшем в представлении Вергилия Сатурн приобретает черты божества-покровителя римских земледельцев, а сам Апеннинский полуостров называется поэтом как «Сатурнова земля», — т.е. земля, отмеченная особым покровительством «национального» земледельческого божества (Saturniatellus — II,173).

¹ Изначально Сатурналии проводились в один день и лишь в дальнейшем он был расширен и занял всю неделю. Император Август ограничил празднования до трех дней, но затем при Калигуле и Клавдии он был вновь увеличен (до пяти дней) (Dion Cass. LIX.6, LX.2).

² Римские завоеватели приносили праздник сатурналий повсюду, где устанавливали свою гегемонию. «Римские воины и во время походов не забывали о своих праздниках - переодевались в женские одежды, одевали парики с косой, брали в руку веретено, говорили фальцетом. Определенные ритуалы римлян, связанные с сезонным чередованием гибели и становления, света и тьмы, почитанием магии плодородия и укрощением злых демонов позднее соединились с германскими культами и впоследствии влились и в христианство. Многие черты римских сатурналий в измененной форме сохранились в карнавале и по сегодняшний день» (Колязин, 2002, с.92).

На время праздника рабы условно отпускались на свободу, «а из представителей низшего сословия избирался шутовской король, окружавший себя сановниками, избираемыми путем игры в кости. Давая дурацкие приказы и призывая свою свиту пить, плясать, неистовствовать и предаваться разгулу, он тем самым подавал сигнал к воцарению безумного мира. На время сатурналий прекращали работу городские советы и суды, закрывались школы. Все надевали на себя маскарадные костюмы, садились за столы и начинали пировать и одаривать друг друга всевозможными подарками, и прежде всего восковыми свечами. Главными формообразующими принципами сатурналий являлись тесно переплетенные всеобщее равенство и переворачивание нормального "с ног на голову" - "перевернутый мир" ("мир наизнанку" - если воспользоваться придуманной Тиком идиомой). Каждый напяливал на себя шляпу, считавшуюся символом свободы. Рабы вели себя как господа, позволяя прислуживать себе на пирушках. Рабам выдавалось сверх нормы четыре литра вина... Сатурналии завершались жестокой акцией: шутовского короля публично казнили» (Колязин, 2002, с.92).

Исследователи чаще всего связывали представления древних о Сатурне и Сатурналиях «с больными вопросами социального неравенства, антагонизма между рабами и рабовладельцами, бедняками и богачами» (Ельницкий, 1946, с.63). Это было моральным и материальным испытанием для богатых - насколько они готовы добросовестно выполнять праздничные обязательства (Ельницкий, 1946, с.63). Сам факт финальной казни шутовского короля, был тем жертвоприношением, которым кровью смывалась вакханалия сатурналий. В свидетельствах Лукиана и Сенеки нетрудно найти их высказывания, которые прямо выводят нас с социальной темы на политическую.

Так, описывая сатурналии, Сенека отмечал, что в один из дней «хозяева садились за стол с рабами... непременно и еще оказывали им в доме всякие почести, позволяли судить да рядить, объявляя дом маленькой республикой» («Нравственные письма к Луцилию», XLVII, 14) (Луций Анней Сенека. 1977). «Игры» в республику, когда на дворе уже империя как раз в духе лицемерной карнавальной политической культуры. Лукиан сообщает о жалобах, которые бедняки писали в своих письмах богу Сатурну. В своем ответе на эти призывы, которые он признает совершенно справедливыми, Сатурн заявляет, что он именно и покинул власть, как нечто не соответствующее его морали:

¹ Не любивший декабрьские излишества Сенека, утверждал: «Больше стойкости в том, чтобы оставаться трезвым, когда весь народ перепился до рвоты, больше умеренности в том, чтобы, не смешиваясь со всеми, не выделяться и не составлять исключения и делать то же самое, что все, но иначе. Ведь праздничный день можно провести, и не предаваясь роскоши» («Нравственные письма к Луцилию», XVIII, 4) (Луций Анней Сенека. 1977).

«так как я познал многие из зол, связанных с богатством и с могуществом, то я отказался от власти и хорошо сделал» (Luc., Epist.Saturnalia, II, 27) (Ельницкий, 1946, с.64). Мы знаем, что судьба Сенеки была трагической – по приказу Нерона он покончил жизнь самоубийством. Он поступил именно так, как описал действия Сатурна Лукиан – отказался от власти и богатства, поскольку посчитал их злом.

Лукиан весьма точно описывает природу карнавальной политической культуры. По его версии она возникает в силу усиления фальсификации истории, когда история становится настолько искривленным пространством, что все там переворачивается с ног на голову: «только совершенно безрассудный человек станет радоваться подобным похвалам, которые можно сейчас же изобличить. Так безобразные люди, и в особенности женщины, приказывают художникам писать их как можно более красивыми: они думают, что станут лучше оттого, что художник наложит больше краски и примешает много белил. Таково большинство историков: они заботятся каждый о сегодняшнем дне и о пользе, которую они надеются извлечь из истории; их, по справедливости, надо ненавидеть, так как по отношению к современникам они явные и неискусные льстецы, а перед будущими поколениями они своими преувеличениями делают подозрительными все свои исторические произведения» (Лукиан. Как следует писать историю, 13) (Лукиан Самосатский, 2001б). Политический карнавал, по Лукиану, возникает тогда, когда «безобразные люди» начинают по своему усмотрению трактовать историю и в свою пользу вести политические дела.

Сатурнические традиции были своего рода предохранительным клапаном, через который римская власть умело выпускала социальное напряжение и регулировала общественные отношения (Ельницкий, 1946, с.65-66). В истории известны христианские мученики, принявшие мучительную смерть за отказ участвовать в сатурналиях. Только в 496 г. римский папа Геласий I окончательно запретил сатурналии в Вечном городе (Фрезер, 1987, с.546-549).

КАК НАДО И/ИЛИ НЕ НАДО ПИСАТЬ ИСТОРИЮ

В исторической науке часто бывает, что о конкретной исторической эпохе мы имеем свидетельства, состоящие исключительно только из одних политических анекдотов и откровенных сплетен. Объяснение этому можно видеть в том, что многие долетописные истории длительное время существовали в рамках устных народных традиций, которые лучше всего запоминают именно такие истории, отсеивая из коллективной памяти, поясняющие их бытовые детали и политиче-

ские подробности. Такая история обречена на стихийную карнавальность.

Следы карнавальной политической культуры весьма часто фиксируются на страницах исторических произведений и обычно они бывают связаны с сугубо субъективными факторами - неточным или неверным изображением прошлого самими историками, которые или по злому умыслу, или в силу своего низкого профессионализма, преднамеренно или неумышленно искажают события прошлого. Эту проблему заметили уже в Античности и подвергли её серьезного критическому анализу. Один из видных критиков древнегреческий писатель Лукиан из Самосаты создал по этому поводу даже специальный трактат под названием «Как следует писать историю», в котором с критических позиций изложил свое видение проблем исторической науки. Его весьма жесткой критике подверглись те «историки», которые вообще никакого отношения к исторической науке не имели, а были любителями собирать древности. Такие авторы, скорее баснописцы, а не историки. И, как в свое время Платон, осуждавший мифотворцев, так и он тоже клеймит позором тех, кто делает из истории «цирк развлечений».

Лукиан выделяет два типа историков: 1) тех, кто пишет правдивую историю («имея в виду то, чего можно ожидать от будущего») и 2) льстецов (фальсификаторов), которые работают ради «удовольствия современников». «Вот тебе правило и мерило истинной истории; если им будут мерить, — хорошо: значит оно верно написано» (Лукиан. Как следует писать историю, 66) (Лукиан Самосатский, 2001б). Писатель заявляет, что «баснословные рассказы вовсе не являются украшением для истории, а похвалы являются вещью обоюдоострой, если, конечно, ты имеешь в виду не большую необразованную толпу, но людей, слушающих как строгие судьи, ...они видят всеми частями тела; каждое слово они взвешивают, как менялы монету, и все поддельное сейчас же отбрасывают, а берут себе только подлинное, настоящее и чисто отчеканенное [Выделено – авт.]. Только с такими слушателями обязан считаться пишущий, а на всех остальных не должен обращать внимания, как бы они ни рассыпались в похвалах» (Там же, 10).1

¹ Лукиан предупреждает нерадивых историков: «Если же ты, пренебрегая первыми, будешь подслащивать историю баснями и похвалами и другого рода приманками, ты сделаешь ее подобной Гераклу, каким он был в Лидии: ведь ты, конечно, видел его где-нибудь на картине в рабстве у Омфалы, одетого в странную одежду; у Омфалы накинута на плечи львиная шкура, а в руке она держит палицу, точно она — Геракл; он же, в шафрановой и пурпуровой одежде, чешет шерсть, и Омфала бьет его сандалией. Неприятное зрелище представляет отстающая от тела, а не облегающая его одежда и принявшее женственные формы мужественное тело бога» (Лукиан. Как следует писать историю, 10). В последнем случае мы уже видим карикатурное изображение героя, а всякое перевернутое положение

Лукиан упрекает нерадивых историков в том, что они не в состоянии отличить важные события от второстепенных и уделяют последним неоправданное внимание, в деталях излагая то, что не заслуживает внимания истории (Там же, 28). В идеале надо поступать обратным образом (Там же, 56). Карнавальность истории проявляется в тех многочисленных нелепостях и неточностях, которыми во времена Лукиана изобиловали труды по истории. Достаточно одного невежественного автора, чтобы исказить лицо истории (Там же, 29). Писатель высмеивает дилетантизм таких авторов, которые ради славы у своих сограждан, готовы измышлять всякого рода небылицы. Таких «историков» он называет «чудаками», способными даже написать историю будущего (Там же, 30-31). Таких «историков» он открыто называет невеждами и добавляет: «Я привел все это не для того, чтобы выставить в смешном виде такие прекрасные исторические труды и позабавиться на их счет, но ради пользы: тот, кто избегнет этих и подобных ошибок, достигнет уже значительного успеха в хорошем написании; вернее, ему будет недоставать лишь немногого, если правильно говорится в диалектике, что из двух положений, между которыми нет среднего, уничтожение одного ведет за собой полное утверждение другого» (Там же, 32).

Лукиан утверждает: «что тот, кто хочет хорошо написать историю, должен с самого начала обладать двумя основными достоинствами: государственным чүтьем и уменьем излагать; первому нельзя научиться — оно является как бы даром природы; второе достигается в значительной степени упражнением, непрерывным трудом и подражанием древним. [Выделено – авт.] Ни то, ни другое не требует никакой теории и не нуждается в моих советах. И моя книжка не обещает сделать умными и проницательными тех, кто не обладает этими качествами от природы; она была бы очень драгоценной, вернее неоценимой, если бы способна была совершать переделки и превращения, например, свинец обращать в золото или олово в серебро...» (Там же, 34). При этом он решительно осуждает тех, кто желает улучшить историю, подправляет свершившиеся в ней ошибки и недостатки (Там же, 38). Он утверждает: «единственное дело историка — рассказывать все так, как оно было» (Там же, 39). Но поскольку история соприкасается с политикой, то постоянно происходит искажение ее, в интересах сильных сира сего. Вот эти искажения и есть то, что мы называем карнавальной политической культурой.¹

есть признак карнавальности.

¹ Лукиан по этому поводу резонно замечает: «тот, кто собирается писать историю, должен служить только одной истине, а на все остальное не обращать внимания; вообще у него может быть только одно верное мерило: считаться не с теперешними слушателями, а с теми, кто впоследствии будет читать его книги. Если же кто служит только текущему мгнове-

Писатель создает идеальный образ историка: «да будет мой историк таков: бесстрашен, неподкупен, независим, друг свободного слова и истины, называющий, как говорит комический писатель, смокву смоквой, а корыто — корытом, не руководящийся ни в чем дружбой или враждой, не знающий пощады или жалости, ложного стыда или страха, справедливый судья, доброжелательный ко всем настолько, чтобы никому не давать больше, чем он того заслужил, чужестранец, пока он пишет свой труд, не имеющий родины, не знающий никакого закона, кроме самого себя, не имеющий над собой никакого владыки, не мечущийся во все стороны в зависимости от чужого мнения, но описывающий то, что есть на самом деле» (Там же, 41). Таковым для него является Фукидид: «то, что пишет он, является скорее памятником для вечности, нежели попыткой соревнования, приятной только для современности, он не останавливается на баснях, но оставляет в наследие будущим поколениям истину о событиях» (Там же, 42). Историк должен быть равноудален как от хулы, так и от похвалы, придерживаться «золотой середины».1

Осуждению достойны также те авторы, которые вкладывают в заголовок своей книги высокопарные названия, не соответствующие содержанию их сочинений (Там же, 16). Сами их произведения оказываются бессодержательными и сухим перечислением фактов, без какого бы то либо их объяснения. Лукиан также осуждает тех «историков», которые объявляют себя «философами» и пишут историю как запутанные дебри разума, то и дело используя не по назначению различного рода силлогизмы (Там же, 17).

Элемент карнавальности у историков возникает в силу их незнания и стремления заполнить обнаруженную ими пустоту своими собственными измышлениями. Поэтому своим блестящим и высоким стилем они и пытаются скрыть свою профессиональную некомпетентность. От того и выходит у них история столь невзрачной и нелепой. Это ситуация, когда гора родила мышь. Такие историки пытаются приделать голову Родосского колосса к телу карлика. Но самих таких «историков» Лукиан называет «безголовыми» и сетует на то, что в его время их расплодилось слишком много (Там же, 22-23). Общий вывод, который мы вправе сделать из Лукиана так это то, что пустые рассказы

нию, его по справедливости можно причислить к шайке льстецов, которых история уже давно, с самого начала, отвергла так же, как гимнастика — косметику» (Там же, 39-40).

¹ Писатель особо подчеркивает, что «похвала и хула должны быть крайне сдержанными, осторожными, чуждыми клеветы, снабженными доказательствами краткими, уместными, так как историк говорит не перед судом. ...Если придется к слову, можно передать и миф, но не следует ему безусловно доверять, лучше не решать этого вопроса, чтобы каждый судил об этом, как захочет; таким образом ты, не склоняясь ни в ту, ни в другую сторону, будешь свободен от упреков» (Там же, 59-60).

Elite Studies of Culture | Doi: https://doi.org/10.46539/elit.v2i1.47

об исторических событиях и исторических лицах – признак карнавальной политической культуры.

Еще одной особенностью карнавальной исторической традиции была фальсификация событий героического прошлого. Карнавальность фальсификации проявляется в переворачивании смысла исторических событий. Так, например, в истории троянской войны достоверным может оказаться только первая неделя осады Трои («Троады»), а все остальное – полет фантазии коллективного Гомера. И вся история с троянским конем и разрушением Трои всего лишь желание скрыть позорное поражение греков-ахейцев (данайцев) в той великой войне. Последовавшее за этой «победоносной» войной вторжение на Пелопоннес дорийцев уж больно напоминает ответный поход жителей «разрушенной» ими Трои. Вся эта история может оказаться перевернутой с ног на голову, когда реальный победитель оказывается побежденным, а победа приписывается побежденному. И подобных примеров в политической истории того времени мы можем привести немало.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРНАВАЛЬНОСТЬ

Карнавальность возникает тогда, когда историк не замечает великих людей и крупные значимые события, а сосредоточивает свое внимание на мелких второстепенных деталях. Это все равно, говорит Лукиан, что, войдя в храм Зевса в Олимпии, не заметить эту грандиозную статую, а начать восхищаться его плинтусами и канализацией (Лукиан. Как следует писать историю, 27) (Лукиан Самосатский, 2001б).

Согласно Платону, люди – «чудесные куклы богов, сделанные ими либо для забавы, либо с какой-то серьезной целью, ведь это нам неизвестно; но мы знаем, что внутренние наши состояния, о которых мы говорили, точно шнурки или нити, тянут и влекут нас каждое в свою сторону и, так как они противоположны, увлекают нас к противоположным действиям, что и служит разграничением добродетели и порока. Согласно нашему рассуждению, каждый должен постоянно следовать только одному из влечений, ни в чем от него не отклоняясь и оказывая противодействие остальным нитям, а это и есть златое и священное руководство разума, называемое общим законом государства. Остальные нити – железные и грубые; только эта нить нежна, хотя она и златая, те же подобны разнообразным видам. Следует постоянно помогать прекраснейшему руководству закона. Ибо разум, будучи прекрасен, кроток и чужд насилия, нуждается в помощниках при своем руководстве, так, чтобы в нас золотой род побеждал остальные

Элитология культуры | Doi: https://doi.org/10.46539/elit.v2i1.47

роды. Этот миф о том, что мы куклы, способствовал бы сохранению добродетели...» (*Законы I, 644d-645d*) (Платон, 1994б).

Политики, как марионетки, появляются вследствие того, что политикой начинают заниматься дилетанты. Платон неоднократно обращал внимание общественности на то, что политикой занимаются люди, мало приготовленные к этому роду деятельности. К власти часто приходят лица с сомнительными профессиональными качествами и с неоднозначной репутацией. Многими движет желание править. И они на интуитивном уровне полагают, что лучше остальных справятся с этой задачей. На самом деле кроме самоуверенности и самомнения у них за душой ничего нет (Феаг, 125е-131с; Алкивиад II, 141а-147а) (Платон, 1990а-б). И именно такие «политики» и приводят свои политические миры к катастрофам карнавальной политической культуры.

Предложенная Платоном классификация политического лидерства исходит тоже из критики отрицательных форм государств. По его мнению, одни политики «походят на львов [т.е. форменные звери – прим.авт.], некоторые - на кентавров и на другие подобные создания, [но] большинство же - на сатиров и на сходные с ними существа, слабые и изменчивые: они быстро меняют свой облик и свои свойства на другие» (Политик, 291а-b) (Платон, 1994в). Сатирами были козлообразные существа, спутники бога вина и пьянства Диониса. Именно таковыми во времена Платона были политики. И философ открыто об этом говорит. Продолжая его логическое развитие мысли, мы заключаем, что подобные сатиры-политики могли «нормально» функционировать только в условиях карнавальными дураками, пляшущими под дудку своего политического трикстера, который сам болтается на веревочке закулисных кукловодов.

Свою лепту в развитие карнавальных политических традиций Античности внесли и софисты. Причем, если Сократ и Платон были критиками политического карнавала, то софисты, напротив, являлись его прямыми организаторами и участниками. Одной из формул софистов была высказанная еще Протагором: «Делать слабейшую речь сильнейшей» (Маковельский, 1940, с.17). В ней, с одной стороны, мы можем усмотреть диалектику элитного качества (в ее свете софистика понимается как искусство нахождения, выделения и усиления качества на фоне количественного многообразия), но с другой стороны – можно увидеть и карнавальный принцип «перевертышей», когда «плюс» меняется на «минус», а хорошее становится плохим и наоборот. Именно игрой в подмены понятий и занимались софисты в своей политической риторике. Для них это были игровые технологии, указывающие

кратчайший (эффективный) путь к успеху. При этом о моральной стороне они старались вообще не упоминать. То, что тиражировали софисты, подпадает под определение политической демагогии. А как раз политической спекуляцией и является описываемый нами политический карнавал, во время которого главными действующими лицами оказываются не серьезные (ответственные) политики, а самые настоящие сатиры.

Софистика всегда производила много шума из ничего. Именно этим в принципе и занимается политический карнавал. Сочетание не сочетаемого и есть главный признак химеры политического карнавала. Когда в одном и том же уживаются две противоположности, политическая карнавальность сама собой начинает проявляться и подменять собойреальность. Так, ученик Сократа олигарх и софист Критий (? - май, 403 до н.э.) критиковал тех политиков, которые пришли к власти с одной единственной целью – с целью самообогащения (Элиан. Пестрая история. X, 17) (Маковельский, 1941, с.76). Карнавальная политическая культура как раз и питается подобного рода противоречиями и несуразностями.

Льстецы искажают реальность в угоду сильных мира сего. Но Лукиан приводит примеры из новейшей для него политической истории, когда великие люди («люди мужественного образа мыслей») категорически выражали свое несогласие с фальсификацией своего образа: «Так поступил, например, Александр [Македонский]; когда Аристобул описал поединок его с [индийским царем] Потом и прочел ему именно это место из своего сочинения, - он думал сделать приятное царю, выдумывая ему новые подвиги и сочиняя дела большие, чем действительные, - Александр взял книгу и бросил ее в воду (они в это время как раз плыли по реке Гидаспу [июль 326 г. до н.э.]) со словами: «И с тобой бы следовало сделать то же, Аристобул, за то, что ты за меня сражался и убивал слонов одним ударом» (Лукиан. Как следует писать историю, 12) (Лукиан Самосатский, 2001б). Политическая карнавализация - это преднамеренное искажение политической реальности в угоду возвеличивания одних и демонизации других политиков. В данной истории Александр Македонский решительным образом отверг карнавализацию своей истории, потому что не нуждался в искусственном возвеличивании своей жизни – она у него без этой лести была великой... Именно льстецы-фальсификаторы и создают вымышленный мир, в котором их герои приобретают противоестественный вид.

Фальсификация искажает историю, ломая логику ее хода событий. Вследствие этого карнавальная политическая культура носит следы постоянных «склеек», маскирующих разрывы шаблонов и смыслов. Если

массовое сознание бывает неспособным распознать эти подделки, но образованные люди (наделенные критическим мышлением) могут эту лесть-фальсификацию распознать и отвергнуть как ложное измышление.¹

Иллюстрирует все вышесказанное исторический пример из жизни Древнего Рима времен Сенеки и Нерона. Известно, что с 54 по 62 гг. н.э. Сенека был фактически правителем Римской империи, нажив в это время огромное состояния (в 300 мил.сестерций). В 62 г. он добровольно ушел от власти и передал все свое состояние императору. Ещё будучи воспитателем Нерона, Сенека в качестве обучающего материала написал дюжину трагедий (Сенека, 1983), на примере которых он хотел воспитать в своем ученике благородные качества справедливого правителя. Успех от такой методики воспитания оказался не столь очевидным, но привил страсть Нерона к театру и желанию стать актером (Грималь, 2003). Именно Сенеке принадлежит мысль: «Жизнь - как пьеса: не то важно, длинна ли она, а то, хорошо ли сыграна». По принципу «весь мир - театр» пытался жить и император Нерон. Но пьеса его жизни вошла в разлад с суровой политической действительностью. ²Ho так, как её описывает Светоний, - классический пример карнавальной политической культуры.

Апофеоз политического карнавала мы обнаруживаем у Гая Светония в его книге «Жизнь двенадцати цезарей». Это мир истерических историй (откровенных пасквилей и исторических анекдотов) желтой прессы того времени. Перед нами фактически инструкция по очернению своего политического противника, создание негативного имиджа врага. Преднамеренная дискредитация власти, демонизация врага, осмеяние посредством унижения его достоинства, все это порождало карнавальное восприятие политической действительности. Перед нами не просто политики-сатиры, но откровенные «политические обезьяны», безнаказанно упивающиеся абсолютом своей власти (Све-

¹ Лукиан достаточно откровенно об этом пишет: «Толпа, может быть, будет хвалить тебя за это, но образованные люди, которыми ты пренебрегаешь, будут смеяться досыта, видя, как искусственно склеены в твоем труде разнородные и не соответствующие друг другу части; ведь всякой вещи свойственна особая красота, и если ее перенести на что-нибудь другое, она становится уродством. Уж я не говорю о том, что похвала приятна только тому, кого хвалят, остальным же она надоедает, особенно если в ней есть чрезмерные преувеличения, — а такой похвала бывает у большинства писателей, так как они ищут одобрения со стороны хвалимых и посвящают ей так много времени, что лесть становится всем очевидной. Такие люди не умеют поступать искусно и не затемняют своей лести, но, берясь за дело грубой рукой, смешивают все в одну кучу и рассказывают просто неправдоподобное» (Лукиан. Как следует писать историю, 11) (Лукиан Самосатский, 2001б).

² То, о чем больше всего на свете жалел Нерон перед смертью, была не бездарная потеря им императорской власти, а то, что он не состоялся как актер: «Какой великий артист погибает!», с горечью восклицал он всякий раз, готовясь к уходу в вечность (Светоний, Нерон, 49) (Светоний, 1988, с.222).

тоний, Калигула, 32-45) (Светоний, 1988, с.157-162). Описываемые Светонием политики старались избегать принимать ответственные решения, поэтому всегда увлекались решением второстепенных или вообще ничего незначащих проблем. Именно таким образом они скрывали свою некомпетентность и неспособность к выполнению серьезных государственных обязанностей.

Рассмотренные примеры проявления политической карнавальности позволяют сделать общее заключение о том, что такой вид политической культуры возникал всякий раз в политических практиках тогда, когда правящие элиты и их лидеры не находили адекватного ответа на вызов своего времени и были вынуждены прибегать к архаическим (мифологическим) традициям. Саму карнавальную политическую культуры мы склонны оценивать как испорченную систему власти.

АНТИЧНЫЙ ТРИКСТЕР

В мифах многих народов мира трикстер является одним из героев, участвующих в сотворении мира. Он нужен для того, чтобы на его фоне достоинства главного героя были особенно заметны. В качестве фона героического трикстер проявляет определенную активность, для реализации которой он должен обладать некоторыми качествами (хитрость, смелость, коварство и т.д.). Он вывернутый наизнанку герой (т.е. антигерой).

Трикстер одновременно является носителем как демонических, так и комических свойств, выдающих его как плута-озорника. Уже в Библии в «истории грехопадения» мы встречам полный набор трикстерских черт – это и хитрость, и обман, и воровство, и нарушение табу, и смех. Адама и Еву соблазняет Змей-искуситель, который был «хитрее всех полевых зверей». Змей обманом заставил людей нарушить запрет Бога и украсть плоды с Дерева Познания добра и зла. Но вместо обещанного (вкусив плодов, люди якобы сделаются «как боги»), они неожиданно «узнали, что наги». Стыд стал признаком разделения добра и зла. Но трикстер по-прежнему остается в состоянии, где этого разделения нет. Он словно забывает то, что люди владеют этим знанием; он делает вид, что находится по ту сторону Древа Познания добра и зла.

У Олимпийских богов был тоже свой трикстер – это бог торговли, информации и воровства Гермес. Он главный провокатор и главный возмутитель спокойствия священных норм Олимпа. Он всегда аномален, стремится постоянно выйти за установленные нормы. Но самое главное – в функциях самого Гермеса присутствует карнавальная хао-

тизация: он одновременно и бог торговли, и счастливого случая, божество хитрости, воровства, юношества и красноречия, покровитель глашатаев, послов, пастухов, путников, спортсменов; он даровал грекам письменность; он посланник богов и проводник душ умерших в подземное царство Аида (Грейвс, 1992, с.44 и далее).В нем намешано всё. Он многолик. Нагромождение обязанностей заставляет Гермеса крутиться, как белку в колесе. Он хаотичен и эклектичен. Поэтому мы с полным основанием объявляем его главным носителем карнавальной традиции на Олимпе.

Трикстер является возбудителем суеты, пустословия и бессмысленной активности. Гомер в «Илиаде» рассказывает о Терсите сына Агрия из рода этолийских царей (Псевдо-Аполлодор. Мифологическая библиотека. І 8, 6) (Аполлодор, 2006), который был самым уродливым, злоречивым и дерзким из греков(само имя Терсита говорящее и переводится как «дерзкий»): «Вечно искал он царей оскорблять, презирая пристойность, // Все позволяя себе, что казалось смешно для народа. // Муж безобразнейший, он меж данаев пришел к Илиону; // Был косоглаз, хромоног; совершенно горбатые сзади // Плечи на персях сходились; глава у него подымалась // Вверх острием, и была лишь редким усеяна пухом. // Враг Одиссея и злейший еще ненавистник Пелида, // Их он всегда порицал; но теперь скиптроносца Атрида // С криком пронзительным он поносил...» (Гомер. Илиада, II, 212-277) (Гомер, 1949). Терсит символ празднословного карканья. Во время осады Трои Одиссей ударил его жезлом за оскорбление, нанесённое на словах Агамемнону. Оскорбление царского величия мог позволить себе только нездравый ум трикстера.

В «Горгии» Платон добавляет, что трикстер Терсит был среди «других мерзавцев из простого звания» (Горгий, 525d) (Платон, 1990в). Для Платона (потомка афинских царей) было особенно важно показать, во что может превратиться потомок других царей (Терсит происходил из царского рода Агрия). Если Платон своим примером указывает путь

¹ Именно таким его изображает Лукиан в «Диалогах богов»: «...меня совсем замучили, завалив такой работой, — жалуется Гермес своей матери Майе, - я разрываюсь на части от множества дел [выделено – авт.]. Лишь только встану поутру, сейчас надо идти выметать столовую. Едва успею привести в порядок места для возлежания и устроить всё, как следует, нужно являться к Зевсу и разносить по земле его приказания, бегая без устали туда и обратно; только это кончится, я, весь ещё в пыли, уже должен подавать на стол амбросию, - а раньше, пока не прибыл этот вновь приобретённый виночерпий, я и нектар разливал. И ужаснее всего то, что я, единственный из всех богов, по ночам не сплю, а должен водить к Плутону души умерших, должен быть проводником покойников и присутствовать на подземном суде. Но всех моих дневных работ ещё мало; недостаточно, что я присутствую в палестрах, служу глашатаем на народных собраниях, учу ораторов произносить речи, — устраивать дела мертвецов — это тоже моя обязанность!» (Лукиан. Диалоги богов, 24) (Лукиан Самосатский, 2001а, с. 120).

меритократии (восхождение к духовному совершенству), то Терсит обозначает своею жизнью путь морального и физического разложения (оскотинивание человека - после смерти его душа якобы выбрала жизнь обезьяны) (Платон. Государство, 620с) (Платон, 1994а).¹

Платон пытается описывать некоторые политические темы посредством категорий карнавальной политической культуры. Он откровенно издевался над софистами и воспитанными ими политиками, указывая на тщетность их знания о мире политики. Политик превращается в сатира тогда, когда в его сознании утверждаются иллюзорные представления о власти, мышление становится эклектичным, а волевые и моральные устои деградируют в свои противоположности. В качестве альтернативы этой карнавальности он предложил систему профессионального образования, которую воплотил в стенах своей Академии. Именно Академия на многие столетия вперед стала альтернативой любителям политической карнавальности, всякий раз возвращая политиков в лоно объективного философско-научного знания.

Одним из прототипов трикстера является и афинский философ Сократ. В диалоге Платона «Пир» один из его персонажей афинский государственный деятель и полководец Алкивиад (ученик Сократа) сравнивает своего учителя с силеном: «Если раскрыть такого силена, то внутри у него оказываются изваяния богов. Так вот, Сократ похож, помоему, на сатира Марсия. Что ты сходен с силенами внешне, Сократ, этого ты, пожалуй, и сам не станешь оспаривать. А что ты похож на них и в остальном, об этом послушай. Скажи, ты дерзкий человек или нет? Если ты не ответишь утвердительно, у меня найдутся свидетели... Ты же ничем не отличаешься от Марсия, только достигаешь того же самого без всяких инструментов, одними речами... Когда я слушаю его [Сократа], сердце у меня бъется гораздо сильнее, чем у беснующихся корибантов, а из глаз моих от его речей льются слезы... Да я и сейчас отлично знаю, что стоит лишь мне начать его слушать, как я не выдержу и впаду в такое же состояние. Ведь он заставит меня признать, что при всех моих недостатках я пренебрегаю самим собою и занимаюсь делами афинян. Поэтому я нарочно не слушаю его и пускаюсь от него, как от сирен, наутек... И порою мне даже хочется, чтобы его вообще не стало на свете, хотя, с другой стороны, отлично знаю, что, случись это, я горевал бы гораздо больше» (Πup , 215a-216c) (Платон, 1993). Через осмеяния политиков-сатиров, Сократ создавал вокруг них такую критиче-

¹ Трансформация человека в обезьяну указывает не только на обратный путь эволюции, но и на демонизацию трикстера. В средневековой традиции было принято обозначать дьявола как «simiadei» («обезьяна Бога») (Юнг, 1999, с.265).

ски кризисную реальность, в которой они оказывались вынужденными признать свою профессиональную несостоятельность.

Античная традиция трикстер анайдет свое продолжение в последующих эпохах, для которых она станет эталонной. Многие вещи будут воспроизводиться просто автоматически и даже простое подражание (особенно неудачное) античности станет восприниматься как элемент карнавальной политической культуры.

выводы

Античная карнавальная политическая культура многократно воспроизводила одни и те же штампы опрокидывания традиции публичной власти, переворачивая смыслов, искажение образов и фальсификацию событий и исторических лиц.Эти шаблоны чаще всего были связаны с упрощением понимания власти (сведения все к простейшим алгоритмам поведения – ответным реакциям на угрозы и вызовы), субъективными перестановками в иерархических структурах, отменой одних (более значимых) ценностей и заменой их на другие (менее значимые), попранием ответственности и меры дозволенного, низведением моральных устоев и т.д.Сущность карнавальной политической культуры раскрывается через такие её коды, как: (1) смеховая народная культура (традиции высмеивания себя и противника, игровые практики и т.д.); (2) конспирологические теории власти (миром правит коварная закулисная власть, а не тот, кто на троне и т.п.); (3) фальсификация политических событий (придание фактом иного смысла и значения, чем на самом деле, фольк-хистори и т.д.).

Карнавальную политическую культуру мы склонны рассматривать как прорыв архаических доисторических традиций в мир уже состоявшейся политики, как возврат к мифологическим формам политического мышления. И везде и повсюду главными инициаторами и участниками этого проекта были политические элиты, испытывавшие серьезные проблемы в сфере своих профессиональных компетенций.

Список литературы

Pieper, J. (1999) Work versus Leisure. In A. K. Bierman & James A. Gould, *Philosophy for a New Generation*. London: The Macmillan Company Collier-Macmillan Limited.

Аполлодор. (2006). Мифологическая библиотека. Москва.: «Эксмо».

Бахтин, М.М. (1990). *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. Москва.: «Художественная литература».

Гесиод. (2001) Полное собрание текстов. Поэмы, фрагменты. Москва.: «Лабиринт».

- Гомер. (1949). Илиада. Москва.-Ленинград.: Гослитиздат.
- Грейвс, Р. (1992). Мифы Древней Греции. Москва.: «Прогресс».
- Грималь, П. (2003). Сенека, или Совесть империи. М.: Молодая гвардия.
- Диоген Лаэртский. (1995) *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов.* Москва.: «Танаис».
- Доддс, Э. Р. (2000). Греки и иррациональное. СПб.: Алетейя..
- Ельницкий, Л.А. (1946). О социальных идеях Сатурналий. *Вестник древней истории*, (4), 55-65.
- Ирмшер, Й. (Ред.). (1989). Словарь античности. Москва: Прогресс.
- Карабущенко, П.Л. (2020а). Карнавальная политическая культура: системный анализ основных категорий. *Вопросы элитологии*, 1(2), 31-62.
- Карабущенко, П.Л. (2020б). Карнавальная политическая культура: субъекты и объекты театра абсурда. *Вопросы элитологии*, 1(3), 93-120.
- Карабущенко, П.Л. (2020в). Карнавальная политическая культура: политические элиты в поисках утраченной идентичности. *Вопросы элитологии*, 1(4), 138-164.
- Колязин, В.Ф. (2002). От мистерии к карнавалу: Театральность немецкой религиозной и площадной сцены раннего и позднего средневековья. Москва.: «Наука».
- Лебедев, А. В. (1989). Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. Москва: «Наука».
- Лосев, А. Ф. (1996). Мифология греков и римлян. Москва.: Мысль.
- Лукиан Самосатский. (2001а). *Разговоры богов*. В *Лукиан. Сочинения. В 2 mm. Т.1*, (с. 92-121). Санкт-Петербург.: Алетейя.
- Лукиан Самосатский. (2001б). *Как следует писать историю*. В *Лукиан. Сочинения. В 2 тт. Т.2*, (с.81-99). Санкт-Петербург.: Алетейя.
- Луций Анней Сенека. (1977) *Нравственные письма к Луцилию*. Москва.: Наука. 384 с.
- Луций Анней Сенека. (1983) *Трагедии*. Москва.: Наука, 1983. 432 с.
- Мазаев, А.И. (1978). *Праздник как социально-художественное явление*. Москва.: «Нау-ка».
- Маковельский, А.О. (1940). *Софисты. Вып. 1.* Баку: Азербайджанский Государственный Университет им. С. М. Кирова
- Маковельский, А.О. (1941). *Софисты. Вып. 2.* Баку: Азербайджанский Государственный Университет им. С. М. Кирова
- Макробий. (2009). Сатурналии. Екатеринбург: Изд. УГП.
- Платон. (1990a). *Феаг.* В А. Ф. Лосев (Ред.), *Платон. Собрание сочинений в 4 т. Том 1* (с. 112-124). Москва.: «Мысль».
- Платон. (1990б). Алкивиад. II В А. Ф. Лосев (Ред.), Платон. Собрание сочинений в 4 т. Том 1 (с. 125-141). Москва.: «Мысль».

Элитология культуры | Doi: https://doi.org/10.46539/elit.v2i1.47

- Платон. (1990в). *Горгий*. В А. Ф. Лосев (Ред.), *Платон*. *Собрание сочинений в 4 т. Том 1* (с. 477-574). Москва.: «Мысль».
- Платон. (1993). *Пир.* В А. Ф. Лосев (Ред.), *Платон. Собрание сочинений в 4 т. Том 2* (с. 81-134). Москва.: «Мысль».
- Платон. (1994а). Государство. В А. Ф. Лосев (Ред.), Платон. Собрание сочинений в 4 т. Том 3 (с. 79-420). Москва.: «Мысль».
- Платон. (1994б). Законы. В А. Ф. Лосев (Ред.), Платон. Собрание сочинений в 4 т. Том 4 (с. 71-437). Москва.: «Мысль».
- Платон. (1994в). *Политик*. В А. Ф. Лосев (Ред.), *Платон. Собрание сочинений в 4 т. Том* 4 (с. 3-70). Москва.: «Мысль».
- Светоний, Г.Т. Жизнь двенадцати цезарей. Москва.: Правда, 1988.
- Фрэзер Д.Д. (1986) Золотая ветвь. Исследование магии и религии. Москва.: Политиздат.
- Элиаде, М. (1994). Священное и мирское. Москва.: Изд-во МГУ, 1994.
- Юнг К.Г. (1999) О психологии образа Трикстера. В Пол Радин, Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К.Г. Юнга и К.К. Кереньи, (с. 265-286). Санкт Петербург.: Евразия.

References

- Apollodorus. (2006). Mythological Library. Moscow: Eksmo. (in Russian).
- Bakhtin, M. M. (1990). *Creativity of François Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance*. Moscow: "Artistic Literature". (in Russian).
- Diogenes of Laertes. (1995). *On the life, doctrines and sayings of famous philosophers.* Moscow: Tanais. (in Russian)
- Dodds, E. R. (2000). *The Greeks and the irrational*. SPb: Aletheia. (in Russian).
- Eliade, M. (1994). *The Sacred and the Secular.* Moscow: Moscow State University Press. (in Russian).
- Elnitsky, L.A. (1946). *On the social ideas of Saturnalia*. Bulletin of Ancient History, (4), 55-65. (in Russian).
- Fraser, D.D. (1986). *The Golden Branch. A study of magic and religion.* Moscow: Politizdat. (in Russian).
- Graves, R. (1992). Myths of Ancient Greece. Moscow: Progress. (in Russian).
- Grimal, P. (2003). Seneca, or the Conscience of the Empire. Moscow: Young Guard. (in Russian)
- Hesiod. (2001) Complete collection of texts. Poems, Fragments. Moscow: Labyrinth.
- Homer. (1949). Iliad. Moscow-Leningrad: Goslitizdat. (in Russian).
- Irmscher, J. (Ed.). (1989). A dictionary of antiquity. Moscow: Progress. (in Russian).
- Jung K.G. (1999) On the psychology of the Trickster image. In Paul Radin, *Trickster. A Study of the Myths of North American Indians with Commentaries by K. G. Jung and K. K. Kerenyi*, (pp. 265-286). St. Petersburg: Eurasia. (in Russian).

- Karabushchenko, P. L. (2020a). Carnival political culture: a systematic analysis of the main categories. *Issues in Elitology*, 1(2), 31-62. (in Russian).
- Karabushchenko, P. L. (2020b). Carnival political culture: subjects and objects of the theater of the absurd. *Issues in Elitology*, 1(3), 93-120. (in Russian).
- Karabushchenko, P. L. (2020c). Carnival political culture: political elites in search of lost identity. *Issues in Elitology*, 1(4), 138-164. (in Russian).
- Kolyazin, V. F. (2002). From Mystery to Carnival: Theatricality of the German Religious and Square Scene of the Early and Late Middle Ages. Moscow: Nauka. (in Russian).
- Lebedev, A. V. (1989). Fragments Early Greek Philosophers Part 1. From epic theocosmogony to the emergence of atomistics. Moscow: Nauka. (in Russian).
- Losev, A. F. (1996). *Mythology of the Greeks and Romans*. Moscow: Thought. (in Russian).
- Lucian of Samosata. (2001a). Conversations of the gods. In *Lucian. Works. In 2 vols. vol. 1*, (pp. 92-121). St. Petersburg: Aletheia. (in Russian).
- Lucian of Samosata. (20016). How history should be written. In *Lucianus. Works. In 2 vols.* vol. 2, (pp.81-99). Saint Petersburg: Aletheia. (in Russian).
- Lucius Annaeus Seneca. (1977) Moral Letters to Lucilius. Moscow: Nauka. (in Russian).
- Lucius Annaeus Seneca. (1983) The Tragedies. Moscow: Nauka. (in Russian).
- Macrobius. (2009). Saturnalia. Yekaterinburg: Izd. UGP. (in Russian).
- Makovelsky, A. O. (1940). *Sophists. Vol. 1.* Baku: Azerbaijani State University named after S. M. Kirov. (in Russian).
- Makovelsky, A. O. (1941). *Sophists. Vol. 2.* Baku: Azerbaijani State University named after S. M. Kirov. (in Russian).
- Mazaev, A. I. (1978). Celebration as a socio-artistic phenomenon. Moscow: Nauka.(in Russian).
- Pieper, J. (1999) Work versus Leisure. In A. K. Bierman & James A. Gould, *Philosophy for a New Generation*. London: The Macmillan Company Collier-Macmillan Limited.
- Plato. (1990a). Theages. In A. F. Losev (Ed.), *Plato. Collected Works in 4 vols. Vol. 1* (pp. 112-124). Moscow: "Thought". (in Russian).
- Plato. (19906). Alcibiades. ii In A. F. Losev (Ed.), *Plato. Collected Works in 4 vols. Vol. 1* (pp. 125-141). Moscow: "Thought". (in Russian).
- Plato. (1990в). Gorgias. In A. F. Losev (Ed.), *Plato. Collected Works in 4 vols. Vol. 1* (pp. 477-574). Moscow: "Thought". (in Russian).
- Plato. (1993). Symposium. In A. F. Losev (Ed.), *Plato. Collected Works in 4 vols. Vol. 2* (pp. 81-134). Moscow: "Thought". (in Russian).
- Plato. (1994a). Republic. In A. F. Losev (Ed.), *Plato. Collected Works in 4 vols. Vol. 3* (pp. 79-420). Moscow: "Thought". (in Russian).
- Plato. (19946). Laws. In A. F. Losev (Ed.), *Plato. Collected Works in 4 vols. Vol. 4* (pp. 71-437). Moscow: "Thought". (in Russian).

Plato. (1994_B). Politician. In A. F. Losev (Ed.), *Plato. Collected Works in 4 vols. Vol. 4* (pp. 3-70). Moscow: Thought. (in Russian).

Suetonius, G.T. Life of the Twelve Caesars. Moscow: Pravda, 1988. (in Russian).